

УДК 811.111-26

*Н.Ю. Осокина, С.Б. Дектерев***ТЕНДЕНЦИЯ К ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ КАК ФАКТОР,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СДВИГ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ**

В настоящее время очевиден интерес лингвистов к вопросам, касающимся исследования языковых (номинативных) категорий в рамках антропоцентрической концепции языка. Целью исследования является попытка проанализировать основные тенденции к экономии языковых средств, намеренной редукции повествования, его перенасыщение, с тем, чтобы создать определенную художественную образность. При наличии достаточного материала обобщающего характера, представленного на уровне фонетики, синтаксиса и стилистики текста, следует признать, что рассмотрение репрезентации явления языковой экономии на уровне грамматических категорий не получило пока должного внимания. В частности, перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности, интенциональный семантический сдвиг грамматических форм, представляется весьма актуальным. Так, современные англоязычные авторы нередко прибегают к интенциональному семантическому сдвигу как средству созданию дополнительной экспрессивности, передаче оттенков через экспрессивную компрессию информации. Подобные примеры рассматриваются в данной работе как индивидуальные окказионализмы, авторские отступления от нормы большой силы, используемые в художественных целях.

Ключевые слова: интенциональный сдвиг, грамматическая метафора, языковая экономия, антропоцентризм, семантические категории.

Как известно, для того, чтобы выразить свою мысль наиболее ярко и доходчиво, говорящий может воспользоваться одной из двух, существующих в языке и дополняющих друг друга стратегий: он может называть вещи своими именами, используя собственное, прямое название предмета, или же использовать для этой цели слово в его переносном значении. Так, по словам Р. Якобсона, в стремлении найти подлинное слово, показывающее нам предмет, мы пользуемся «словом притянутым, непривычным для нас, по крайней мере в данном приложении, словом изнасилованным». Таким неожиданным словом, по его мнению, может оказаться и фигуральное, и собственное название предмета [31. С. 379].

К числу средств непрямого, «притянутого» именованья предмета, помимо метафоры, метонимии, других способов иносказания, относится и прием намеренного сжатия повествования, перенасыщение его, с целью создания образности. Такое емкое, компактное, конденсированное повествование – «уплотнение повествования образами» [31. С. 391], является очень важным элементом художественности, а, по мнению К. Штейнбуха, в большинстве случаев признаком художественности произведения искусства является передача в образе максимума сообщения посредством минимального количества сигналов [30. С. 49-50].

Дискуссии о соотношении или доминировании принципа экономии, или же принципа избыточности можно свести к тому, что в языке представлены обе эти тенденции, однако нельзя не признать, что стремление к экономии усилий при выполнении самых разных действий – the principle of the least effort – является одной из движущих сил развития человеческого общества. Человек ленив по своей натуре, и стремление к экономии усилий пронизывает все виды деятельности человека: оно приводит не только к изобретению самых различных устройств, облегчающих жизнь, оно движет самими процессами познания человека, процессами речепорождения и речевосприятия. О том, что биологические особенности человеческого организма определяют стремление к языковой экономии, писали А. Мартине [17. С. 126], Е. Д. Поливанов [23. С. 81-82], Б. А. Серебренников [24. С. 48]. При этом, как отмечал еще Г. Спенсер, стремление к экономии языковых средств важно для говорящего, не только потому, что оно отражает его потребность выразить свою мысль, объясниться наиболее кратким образом, зачастую, экономия языковых средств намеренно используется для сбережения внимания читателя или слушателя, так как многословие требует слишком много усилий от воспринимающего текст [25. С. 62].

Идея об экономии языковых средств обсуждалась исследователями, в том или ином виде, на протяжении самых разных этапов истории лингвистики. Так, В. Дельбрюк приводит слова Г. Курциуса о причине фонетических изменений: «убывание звуков основано на человеческой лености, которая стремится к тому, чтобы сделать произношение все более и более легким» [6. С. 222]. Сам В. Дельбрюк не разделял утверждение о безраздельном принципе экономии, так как «некоторые языковые

изменения не могут быть им объяснены» [6. С. 222]. Существование тенденции к экономии языковых средств отмечал Г. Пауль [22. С. 301-315]. О. Есперсен считал, что стремление к экономии усилий – *economy of efforts* или *the line of the least resistance* присуще человеческой деятельности в целом, и, принимая это во внимание, мы исходим из того же принципа, который объясняет многие упрощения форм законом аналогии: «*There is such a tendency in all human beings and by taking it into account we are doing nothing else than applying here the same principle that attributes many simplifications of form to analogy*» [39. С. 263].

Особенно подробно принцип экономии языковых единиц был разработан в фонетике. По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, для языка характерна «замена звука или созвучия звуком или созвучием более легким», так как «языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить тенденцию к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды» [4. С. 226]; см. также: В. Дельбрюк [6. С. 222]; Е. Д. Поливанов [23. С. 81-82]. На основании исследований фонетических изменений, вызванных стремлением к экономии, звуковой компрессии, Т.Н. Николаева считает возможным выдвинуть следующую гипотезу о законе языковой эволюции: язык стремится к передаче большего количества информации в единицу времени [21. С. 30]. Более того, по ее мнению, эта установка на многоканальность речевого сообщения представляет собой единую цель всех языков.

Тенденция к экономии языковых средств отмечается и в синтаксисе. В качестве примера, можно привести случаи развертывания левых определений существительного и сокращения правых определительных предложений в английском языке. (О действии принципа экономии на уровне синтаксиса см. также: Н. Ю. Шведова [28. С. 76]; А. П. Шапкин [27]. Некоторые исследователи, однако, ставят под сомнение, возможность использовать в таких случаях слово «экономия», так как предложение, короткое по длине и, тем самым, казалось бы, более «экономное» оказывается семантически более сложным, насыщенный, и, в результате, менее «экономным» уже с семантической точки зрения, чем предложение длинное, но с неосложненной семантикой» (см. Р. А. Будагов [5. С. 25]). Несомненно, «уплотненные» синтаксические конструкции могут быть очень сложны, перегружены семантически, но, отличаясь особой емкостью с точки зрения содержания, очень экономны с точки зрения формы.

Следует отметить, что появление новых, более сжатых форм необходимо связывать прежде всего с индивидом, поскольку создание новой формы требует определенного усилия, некоей инициативы. В дальнейшем, начинает работать принцип аналогии, и удачная модель копируется в обществе.

Действительно, еще раз отметим, что в языке, согласно законам диалектики, сосуществуют и стремление к экономии языковых средств, в том числе и для создания яркого образного повествования, и, с другой стороны, законы избыточности. О том, что тенденция к экономии языковых средств является не единственной, и уж тем более не доминирующей, и часто уравнивается другими тенденциями языка, писали О. Есперсен [39. С. 263], И. А. Бодуэн де Куртенэ [4. С. 231], Г. Пауль [22. С. 301-315], В. А. Звегинцев [7. С. 20], Б. А. Серебренников [24. С. 49-50].

Здесь необходимо отметить, что под понятие «экономия» в языке можно отнести как эллиптические предложения разговорной речи, где отсутствующие элементы легко восполняются слушающим в той или иной конкретной ситуации, так и случаи намеренного уплотнения высказывания с целью создания образности (использование смещенного определения в сочетаниях с контракцией, зевгма, и т.д.). Ниже мы рассмотрим проявление тенденции к экономии языковых средств при интенциональном сдвиге языковых форм.

Под интенциональным сдвигом грамматических форм, мы понимаем перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности. При этом в центре нашего внимания находятся окказионализмы, т.е. отступления от нормы большой силы, используемые в экспрессивных целях. Так, в предложении *Yessir, the mulatto girl said softly, smiling goldenly* [48], слово *goldenly* формально являющееся признаком действия – *smiling*, на семантическом уровне является признаком лица, совершающего это действие. В примере *The woman fussed him into a table* [48] переходный глагол *to fuss* используется как переходный и приобретает значение *to show the way to the table, paying too much attention*. В предложении *Arthur was very married* [38] происходит транспозиция категории градуальность – неградуальность.

В грамматике рассматриваемые явления изучались в рамках теории транспозиции [11], в стилистике они рассматривались как отдельные выразительные средства, морфологические, или синтаксические [1; 36 и др.]. В терминологии Н. Хомского исследуемые случаи носят название «полуотмеченные структуры» [8; 9].

На наш взгляд, наиболее полное, точное и интересное толкование данное явление – как явление грамматической метафоры – получило в работах А.А. Масленниковой [18. С. 23]. Под грамматической метафорой, вслед за А. А. Масленниковой, мы понимаем намеренный перенос категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой грамматической категории с целью создания нового дополнительного смысла, который уже не обязательно является грамматическим [18. С. 23].

Итак, один из ярких примеров грамматической метафоры – смещенные определения и обстоятельства – представляют собой яркий пример проявления тенденции к экономии языковых средств. Не случайно, при описании таких конструкций М. В. Никитин использует термин «контракция» [20. С. 82]. Так, в примере *We were at a particularly tipsy table* [33], происходит семантический сдвиг «признак лица» – «признак предмета», при этом нарушаются логические нормы подчинения в предложении, опускается логическое определяемое *people*, и слово *tipsy* выполняет несвойственную ему семантическую функцию. Если мы сравним этот пример с предложением *We were at a table where people were particularly tipsy*, в котором отсутствует смещение с контракцией, нельзя не отметить, что пример со смещенным определением представляется более компактным и емким. При этом возникает дополнительный смысл: не просто констатируется состояние людей, а передается атмосфера за столом, подчеркивается общность состояния компании за столом. Также создается комический эффект. В предложении *The discreet door shut with a click* [47] наблюдается аналогичный семантический сдвиг, при этом данная структура благодаря контракции является амбивалентной, так как смещенное определение *discreet* может представлять характеристику сразу нескольких персонажей, что вовлекает читателя в процесс сотворчества. Рассмотрим еще один пример: *Dessie watched his great red happiness, and it was not light, as Samuel's happiness was light* [49]. В данном предложении смещенное определение *red* на семантическом уровне обозначает признак лица – рыжеволосого Тома Гамильтона, представленного в предложении местоимением *his*, ср.: *Dessie watched great happiness of her red-haired brother*. В результате семантического сдвига создается эффект псевдоолицетворения, которое помогает передать непосредственность восприятия героини: глядя на брата, она видела только две вещи: переполняющее его счастье и его рыжие волосы.

Что интересно, сжатость и емкость характерны не только для конструкций со смещенным определением, где в результате контракции опускается логическое определяемое; даже случаи переподчинения, где присутствуют все логические компоненты смысла, представляются не менее емкими. Это отчетливо проявляется в конструкциях со смещенными обстоятельствами, где происходит семантический сдвиг: «признак лица» – «признак действия». Рассмотрим следующий пример: *Annie gave a backward glance to the Mercedes, gleaming expensively in the sunshine* [46]. Смещенное обстоятельство *expensively*, формально относящееся к причастию *gleaming* на семантическом уровне представляет собой признак лица: *Annie gave a backward glance to the expensive Mercedes, gleaming in the sunshine*. Семантический сдвиг помогает емко передать эмоциональное состояние героини: Энни, семья которой испытывает финансовые трудности, не может оторвать взгляд от дорогой машины подруги, чувствуя одновременно восхищение, грусть и, возможно, зависть.

Компактность, сжатость данных конструкций сочетаются с семантической насыщенностью, гиперсемантизацией, читатель или слушатель, восстанавливая выпущенные элементы, оперирует единицами когнитивного уровня, тезауруса, возникающий при этом образ обрастает различными ассоциациями. Недосказанность приводит к возможности различных трактовок. Все это и позволяет рассматривать эти конструкции со смещенными определениями и обстоятельствами как отвечающие принципу экономии, т.е. способности передать большее количество информации в единицу времени.

Однако подобная компактность присуща не только случаям интенционального сдвига «признак лица» – «признак предмета», где мы сталкиваемся с асимметрией семантической и синтаксической функций слова как члена предложения; транспозиция «переходность» – «непереходность» также характеризуется значительной семантической емкостью.

The woman fussed him into a table [48]. В данном примере непереходный глагол *to fuss* используется как переходный, приобретая значение каузации и передавая характер действия: *The woman showed him the way to the table fussing around him*. Подобные примеры использования как переходных, так и непереходных глаголов с прямым дополнением и предлогами и обстоятельствами места получили название «адвербиальные глаголы» [16; 29. С. 101-114]

Подобные примеры семантического сдвига «переходность» – «непереходность», употребление декаузативных глаголов в значении каузативных часто отмечается в детской речи (как в английском, так и в русском, и в других языках). Отмечается, что у англоговорящих детей такие фразы более объяснимы, чем у русскоговорящих детей, поскольку большое число английских глаголов допускает как значение самого действия, так и значение каузации данного действия: *boil* – кипеть и кипятить, *walk* – гулять и прогуливать кого-либо [26. С. 157-159]. У детей такие структуры появляются в следствии действия механизма аналогии при наличии языковых лакун. В речи взрослых такой семантический сдвиг является полумеченным, как правило, создает комический эффект и служит проявлением принципа языковой экономии.

Способность приведенных выше примеров интенционального сдвига создавать компрессию информации объясняется и тем, что в их основе лежит метонимия. Исследователями неоднократно отмечалось, что стремление к языковой экономии является характерной особенностью метонимии: способность метонимии «довести ум легчайшим путем до желаемого понятия, ... путем экономии в напряжении мысли» подчеркивал Г. Спенсер [25. С. 78], Ш. Балли объяснял явление метонимии проявлением инерции мысли и языковой инерции [3. С. 222-223]. Рассмотрение метонимии именно в рамках когнитивного подхода и позволяет раскрыть саму сущность метонимии как принципа организации мышления.

Метонимия наряду с метафорой представляет собой одну из основных характеристик познания [42]. Когнитивный подход к изучению языка трактует метонимию как один из принципов организации обыденного мышления [41; 43. С. 84-90; 45. С. 190-194; 44; 19. С. 226; 13; 10]. Рассматриваемая на концептуальном уровне, т. е. уровне структуры знаний [2; 12], или тезаурусном уровне, метонимия представляет собой идеализированную когнитивную модель, в которой существует отношение замещения той или иной категории ее подкатегорией, членом или подмоделью [43. С. 78]. Анализируя пример *Tolstoi takes up a foot on my bookshelf* – Толстой занимает фут на моей книжной полке, Дж. Лакофф говорит, что определенные сведения о мире позволяют заменить именную группу физическое воплощение того, что написал Толстой, именной группой Толстой. Часть наших знаний о Толстом состоит в том, что он писал книги, которые в определенном окружении занимают фут на моей книжной полке, а именная группа Толстой понимается как выражение, обозначающее эти книги. В качестве примера адекватного словосочетания с метонимией, Дж. Лакофф приводит конструкцию *apple juice seat* – место с яблочным соком. Объясняется эта конструкция следующим образом: гость подходит к столу, где свободны четыре места, у одного из свободных приборов стоит яблочный сок, у трех – апельсиновый сок. Хозяйка говорит: *Please sit in the apple juice seat* [41. Р. 352]. Метонимия выполняет функцию референции – один элемент концептуальной структуры способен представлять другой элемент концептуальной структуры или представлять все ментальное пространство в целом, т. е. метонимия помогает установить связь с каким-либо элементом концептуальной структуры через установление связи с другим элементом той же структуры.

Значимость метонимии, по мнению Р. Лангакера, объясняется тем, что с ее помощью представляется возможным объединить две противоположные тенденции: потребность в точном выражении и естественное для человека стремление думать и говорить о вещах, которые обладают для него наибольшей когнитивной выделенностью [45. С. 1-38]. С помощью метонимического переноса человек, называя сущность, имеющую большую когнитивную выделенность и более простое языковое выражение, вызывает представление о некоей другой сущности, менее выделенной или более сложно, или длинно обозначаемой. Действительно, как отмечает Е.С. Кубрякова, в ментальном плане гораздо проще оперировать сложившимися символами, удерживающими объемы очень сложной и многоплановой информации о мире в сильно упрощенном и редуцированном виде – по метонимическому принципу, чем самими этими сведениями [13. С. 29]. Для рассмотрения метонимии Р. Лангакер использует понятие активных зон [44. С. 190-191]. Активная зона – это та часть траектора или ориентира, которая непосредственно участвует в ситуации, обозначенной соответствующей реляционной предикацией. Так, в предложении *Your dog is near my cat* оба объекта выступают в качестве целостных структур; в предложении *Your dog bit my cat* глагол *bite* обозначает такое взаимодействие между объектами, в котором непосредственно задействованы лишь отдельные части данных объектов: зубов собаки и определенной части тела кошки. Эти участки выделяются соответственно внутри траектора и ориентира в качестве их активных зон. Подобное несоответствие профилируемого объекта с его активной зоной имеет широкую распространенность, представляя собой языковую норму, предложения

же, в которых строго соблюдается совпадение объекта и его активной зоны, могут оказаться сомнительными, ср. **Your dog bit my cat with its teeth*. В основе метонимического переноса, по мнению Р. Лангакера, лежит явление асимметрии между некой яркой, выделенной, сфокусированной сущностью и менее выпуклым, включающем ее фоном. Эта асимметрия является проявлением базовой когнитивной способности, пронизывающей почти все языковые явления, так, по мнению исследователя, языковые и когнитивные механизмы в основе своей обусловлены единой способностью, проявляемой во всех областях и на всех уровнях организации, а именно: динамической эксплуатацией асимметрично выделенных сущностей, служащих для структурирования опыта [45. С. 36]. Семантическое варьирование на метонимической основе, по словам М. В. Никитина, настолько частотно и заурядно, что «даже не ощущается говорящими как номинационное усиление» [19. С. 227]. Так, Е. С. Кубрякова отмечает действие механизма метонимии не только в структурах типа «Прочитать всего Пушкина» – т. е. «Прочитать все произведения Пушкина», которые представляются аналогичными структурам, анализируемым Дж. Лакоффом. По ее мнению, даже языковое значение слов типа карбюратор, слон или библиотека соответствует не только ассоциируемым с ними отдельным концептам, но и сложным и развернутым концептуальным структурам [13. С. 29].

Трактовка метонимии в терминах активных зон, на наш взгляд, точно отражает сущность многих случаев интенционального сдвига грамматических форм. Так, в основе конструкций со смещенными определениями и обстоятельствами лежат метонимические отношения, т. е. перенос признака по смежности, при этом под смежностью понимаются разнообразные связи между предметами и понятиями, как внешние, вещественные, так и внутренние, логические. Неслучайно, некоторые исследователи называют смещенные определения метонимическим эпитетом [15].

Достаточно часто метонимия лежит в основе интенционального сдвига глагольных форм. Так, метонимическую модель «причина-условие» – «событие-мишень» можно проследить в примере *She refused to be panicked into another man* [50]. Глагол *to panic*, в результате нарушения валентностных связей, нехарактерного для него сочетания с предлогом *into* (возможно, по аналогии с *to force into*), приобретает дополнительное каузативное значение, что подтверждается возможностью трансформации путем восстановления логических связей (ср.: *She refused to be panicked so that she would have to start looking for another man*). Метонимические отношения прослеживаются и при транспозиции «переходность» – «непереходность», где прослеживаются отношения «способ» – «событие-мишень» (ср. приведенный выше пример *The woman fussed him into a table*).

Как проявление принципа языковой экономии, в основе которого лежат метонимические отношения можно рассматривать еще один вид транспозиции «временные отношения» – «пространственные/предметные отношения», ср.: *When are we going swimming?* 'Sissy asked, a few bottles later. (in a club with a swimming pool on the roof) 'I am not drunk enough yet,' Shoane said [40]; *Ten lunch parties, three cocktail parties and five dinner parties later, ... Lady Cynthia summoned me to the private den she called her boudoir to discuss her future plans for hospitality* [37]. В первом примере в качестве единиц измерения времени здесь используется существительное, лишенное темпоральной семантики – *bottles*. Во втором примере время персонаж – повар – измеряет время зваными обедами и ужинами. Данная модель, как отмечают исследователи, становится все более распространенной в последнее время [11. С. 155], и сочетания типа *a hundred dollars later* уже не всегда воспринимаются как полуотмеченные.

В примере *Dottie had now completely woken up (it usually took her about two hours, three cups of coffee and a bath to achieve)* [32] существительное с темпоральной семантикой *hours* используется в сочетании с существительным, обозначающим конкретный предмет – *three cups of coffee*. В результате данной транспозиции достигается не только емкость и выразительность, интенциональное смешение существительных темпоральной и предметной семантики, как правило, приводит к созданию комического эффекта, в основе которого, как известно, лежит противоречие, сближение несближаемого. (Здесь нельзя не вспомнить и игру слов в солдатской поговорке о траншее, которую приказано копать «от забора и до обеда»).

Зевгма – сочетание многозначного слова одновременно с двумя или несколькими другими в разных смысловых планах – представляет собой разновидность транспозиции «предметные отношения» – «временные отношения», или «предметность» – «абстрактность». Основу зевгмы составляет «умышленная экономия» языковых средств, синтаксическое объединение несовместимых элементов [14. С. 73].

He sat for half an hour in the dawn and the arm-chair where he had slept... [34]. В приведенном примере глагол *to sit* используется одновременно в сочетании со словом темпоральной семантики *dawn* и со словом предметной семантики *arm-chair*. Намеренное столкновение слов различных смысловых планов и использование их как однородных членов предложения несомненно приводит к созданию экспрессивности. Несовместимость слов, входящих в зевгму, их семантическая разнородность, почти всегда приводит к созданию комического эффекта: *I believe in the Age, Dad. It's dropped its superfluous clothes. Look at those old pictures in The Times lately. You smelt dogma and flannel petticoat* [35].

Необходимо подчеркнуть, что стремление к языковой экономии не является доминирующим принципом в языке. В основе многих случаев интенционального сдвига грамматических форм лежат другие явления, например, принцип аналогии, как при транспозиции «ингерентность» – «неингерентность». В ряде случаев грамматическая метафора может строиться и на избыточности, ср. *Lisa sat in her rocking chair, she was old and old* [49]. Тем не менее, стремление к емкости, сжатости, лаконичности неизменно приводит к появлению новых ярких примеров грамматической метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2009.
2. Бабина Л.В. Роль когнитивной операции интеграции в формировании семантики глагола // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы юбилейной конференции 19-20 сентября 2002 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. С. 17-22.
3. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с франц. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинды М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
4. Бодуэн де Куртене И.А. Об общих причинах языковых изменений // Бодуэн де Куртене И.А. Избр. труды по общему языкознанию: в 2т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
5. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопр. языкознания. 1972. № 1. С. 17-36.
6. Дельбрюк В. Введение в изучение индоевропейских языков (извлечения) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. С. 218-233.
7. Звегинцев В.А. Структурная лингвистика и теория экономии А. Мартине // Вступ. статья к: Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 5-22.
8. Золина Н.Н. Полуотмеченные структуры и их стилистические функции (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 219 с.
9. Золина Н.Н. Полуотмеченные структуры и контракция // Проблемы структурно-семантической организации текста. Барнаул, 1980. С. 28-35.
10. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2001. 22 с.
11. Козлова Л.А. Проблема функционального сближения частей речи в современном английском языке. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. 200 с.
12. Котурова М.П. Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1988. С. 5-11.
13. Кубрякова Е.С. О формировании значения в актах семиозиса // Когнитивные аспекты языковых категорий. Рязань, 2000. С. 26-29.
14. Кузнец М.Д. Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л.: Учпедгиз, 1960. 173 с.
15. Кухаренко В.А. Семинарий по стилистике английского языка. М.: Высшая школа, 1971. 182 с.
16. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. М.: Междунар. отношения, 1976. 202 с.
17. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях / Пер. с франц. А.А. Зализняка; под ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
18. Масленникова А.А. Особенности грамматической метафоры // Варшавская А.И., Масленникова А.А., Петрова Е.С. и др. Метафоры языка и метафоры в языке / Под ред. А.В.Зеленщикова, А.А.Масленниковой. СПб., 2006. С. 21-44.
19. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 760 с.
20. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): Учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 "Иностранные языки". М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
21. Николаева Т.М. От звука к тексту: Человек и язык. Язык: разгадки и загадки. Язык и текст. М.: Языки русской культуры, 2000. 679 с.
22. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем.; ред. А.А. Холодовича. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 500 с.
23. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. М.: Наука, 1968. 376 с.
24. Серебряников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1985. 319 с.

25. Спенсер Г. Философия слога // Собрание сочинений в 7-ми томах. Научные, политические и философские опыты. Т. 1. / Пер. с англ. Н. Тиблена. СПб.: Типография Н. Тиблена и К., 1866. С. 60-92.
26. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.
27. Шапкин А.П. Об асимметрии как продукте трансформации соединения в английском языке// Вопросы германской филологии. Иркутск, 1968. С. 109-118.
28. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М.: Просвещение, 1966. 156 с.
29. Шляхова М.М. Концепт «образ действия» и средства его языковой репрезентации в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.
30. Штейнбух К. Автомат и человек. М.: Советское радио, 1967. С. 49-50.
31. Якобсон Р. Работа по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
32. Banks L.R. *The Backward Shadow*. London: Penguin Books, 1978. 252 p.
33. Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby*. Kiev: Dnepro Publishers, 1973. 180 p.
34. Galsworthy J. In *Chancery*. M.: Foreign Languages Publishing House, 1949. 240 p.
35. Galsworthy J. *Over the River. The End of the Chapter*. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. 304 p.
36. Galperin I. R. *Stylistics*. Moscow: Higher School, 1977. 336 p.
37. Howatch S. *Question of Integrity*. London: Warner Books. 2001. 680 p.
38. Irving J. In *One Person*. London: Black Swan, 2013. 622 p.
39. Jespersen O. *Language, its Nature, Development and Origin*. New York, 1951. 302 p.
40. Keyes M. *The Brightest Star in the Sky*. London-New York-Toronto- Dublin- Camberwell- New Delhi- Rosedale- Johannesburg: Penguin Books, 2011. 614 p.
41. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago – London: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
42. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 256 p.
43. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 356 p.
44. Langacker R.W. *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar // Cognitive Linguistics Research*. Vol. 1. Berlin – New-York, 1991. 395 p.
45. Langacker R. W. *Reference-point constructions // Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4. № 1. P. 1-38.
46. Kinsella S. *Mini Shopaholic*. London-Toronto-Sydney-Auckland-Johannesburg, 2010.
47. Mansfield K. *A Cup of Tea // Modern English Short Stories*. M., 1960. P. 126-130.
48. Shaw I. *Bread Upon Waters*. Sevenoaks, Kent: New English Library, 1982. 477 p.
49. Steinbeck J. *The Grapes of Wrath*. Moscow: Progress Publishers, 1978. 482 p.
50. Updike J. *The Witches of Eastwick*. New York: Fawcett Crest, 1985. 343 p.

Поступила в редакцию 28.02.2018

Осокина Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: osnat@inbox.ru

Дектерев Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: aries03@mail.ru

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Факультет иностранных языков
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

N.Yu. Osokina, S.B. Dekterev

THE PRINCIPLE OF ECONOMY OF LANGUAGE MEANS AS A CAUSE OF THE INTENTIONAL SEMANTIC SHIFT IN GRAMMATICAL CATEGORIES

Recently, linguists have shown an increased interest in language (nominative) categories within the anthropocentric concept of language. The aim of this paper is an attempt to analyze the main trends towards the economy of language means, the intentional reduction of narration, its oversaturation, in order to create a certain artistic imagery. There is sufficient material of a generalized nature presented at the level of phonetics, syntax and text stylistics, so it should be recognized that consideration of the representation of the phenomenon of linguistic economy at the level of grammatical categories has not yet received due attention. In particular, the transfer of the grammatical form from one type of relationship to another for the purpose of creating imagery, the intentional semantic shift of grammatical forms, seems very relevant. The data analysis of creative use of grammatical categories by modern English and American writers reveals the economy principle as the basis for the Intentional Semantic Shift of different grammatical categories to convey new shades of non-grammatical meanings for the purpose of expressiveness. Such examples are occasional and considered as authors' individual words, deviations from the norm in order to create a certain literary figurativeness.

Keywords: intentional semantic shift, grammar metaphor, language economy, anthropocentrism, semantic categories.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk [Stylistics. Modern English]. M., 2009. (In Russian).
2. Babina L.V. Rol' kognitivnoj operacii integracii v formirovanii semantiki glagola [The role of cognitive operation of integration in formation of semantics of a verb] // Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija. Materialy jubilejnoj konferencii 19-20 sentjabrja 2002 g. [Language. Culture. Communication. Materials of an anniversary conference September 19-20, 2002] – Barnaul: BGPU publishing house, 2002. P. 17-22. (In Russian).
3. Bally Ch. Francuzskaja stilistika / per. s franc. K.A.Dolinina/ pod red. E.G. Jetkinda [French stylistics / translated by K.A. Dolinina / edited by E.G. Etkind]. M.: Editorial of URSS, 2001. 392 p. (In Russian).
4. Baudouin de Courtenay I. A. Ob obshhix prichinah jazykovyh izmenenij [On general reasons of language changes] // Bodujen de Kurtenje I.A. Izbr. trudy po obshhemu jazykoznaniju: V 2t. [Baudouin de Courtenay I. A. Works on general linguistics: 2 v.]. M.: Publishing house of Academy of Sciences of USSR, 1963. V. 1. 384 p. (In Russian).
5. Budagov R.A. Opredeljaet li princip jekonomii razvitie i funkcionirovanie jazyka? [Does the development and functioning of language define the principle of economy?] // Vopr. jazykoznanija [Questions of linguistics]. 1972. N. 1. P. 17-36. (In Russian).
6. Delbrück B. Vvedenie v izuchenie indoevropskix jazykov (izvlechenija) [Introduction to the study of language] // Zvegincev Istorija jazykoznanija XIX-XX vekov v ocherkah i izvlechenijah [V. A. Zvegincev History of linguistics of the 19-20th centuries in sketches and extraction]. M.: Education, 1964. 218-233 p. (In Russian).
7. Zvegincev V. A. Strukturnaja lingvistika i teorija jekonomii A. Martine [Structural linguistics and theory of economy of A. Martinet] // Vst. stat'ja k Martine A. Princip jekonomii v foneticheskix izmenenijah. [Introd. article to Martinet A. Principle of savings in phonetic changes]. M.: Izd-vo inostr. lit., [Publishing house Foreign literature], 1960. P. 5-22. (In Russian).
8. Zolina N.N. Poluotmechennye struktury i ih stilisticheskie funkcii (na materiale anglijskogo jazyka) [Semi-noted structures and their stylistic functions (on English material)]: Dis. ... kand. filol. nauk. L. [Dissertation ... candidate of philological sciences. L.], 1977. 219 p. (In Russian).
9. Zolina N.N. Poluotmechennye struktury i kontrakcija [Semi-noted structures and counteraction] // Problemy strukturno-semanticheskoi organizacii teksta [Problems of the structural-semantic organization of the text]. Barnaul, 1980. P. 28-35. (In Russian).
10. Kozlova E.A. Metonimija kak konceptual'naja osnova funkcional'noj kategorizacii anglijskogo glagola [Metonymy as conceptual basis of a functional categorization of the English verb]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [... candidate of philological sciences]. Tambov, 2001. 22 p. (In Russian).
11. Kozlova L.A. Problema funkcional'nogo sblizhenija chastej rechi v sovremennom anglijskom jazyke [A problem of functional rapprochement of parts of speech in modern English]. Barnaul: BGPU publishing house, 1997. 200 p. (In Russian).
12. Kotjurova M.P. Mnogoaspektnost' javlenij stereotipnosti v nauchnyh tekstah [Multidimensionality of the phenomena of stereotype in scientific texts] // Tekst: stereotip i tvorcestvo [Text: stereotype and creativity]. Perm, 1988. P. 5-11. (In Russian).
13. Kubrjakova E.S. O formirovanii znachenija v aktah semiozisa [On formation of value in acts of a semiosis] // Kognitivnye aspekty jazykovyh kategorij [Cognitive aspects of language categories]. Ryazan, 2000. P. 26-29. (In Russian).
14. Kuznec M.D. Skrebnev J.M. Stilistika anglijskogo jazyka [English stylistics]. L.: Uchpedgiz, 1960. 173 p. (In Russian).
15. Kuharenko V.A. Seminarij po stilistike anglijskogo jazyka. [Seminaries on English stylistics]. M.: Vysshaja shkola, 1971. 182 pages. (In Russian).
16. Levickaja T.R., Fiterman A.M. Problemy perevoda [Translation problems]. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1976. 202 p. (In Russian).
17. Martinet A. Princip jekonomii v foneticheskix izmenenijah / Perevod s francuzskogo A.A. Zaliznjaka; pod red. V.A. Zveginceva [Principle of savings in phonetic changes / Transl. from French by A.A. Zaliznjak; Ed. by V.A. Zvegincev]. M.: Publishing house Inostrannaya literatura, 1960. 261 p. (In Russian).
18. Maslennikova A.A. Osobennosti grammaticheskoi metafory [Features of a grammatical metaphor] // Varshavskaja A.I., Maslennikova A.A., Petrova E.S. i dr. Metafory jazyka i metafory v jazyke / Pod red. A.V. Zelenshhikova, A.A. Maslennikovoij [Varshavskaja A.I., Maslennikova A.A., Petrova E.S. and other. Metaphors of language and metaphors in language / Edited by A.V. Zelenshhikov, A.A. Maslennikova]. SPb., 2006. P. 21-44. (In Russian).
19. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoi semantiki [Course on linguistic semantics]. SPb.: Nauchnyj centr problem dialoga [Scientific center of problems of dialogue], 1997. 760 p. (In Russian).
20. Nikitin M.V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika): Ucheb. posobie dlja ped. vuzov po spec №2103 "Inostrannye jazyki" [Lexical meaning of a word (structure and combination theory): Manual for institutions of higher education of specialty №2103 "Foreign languages"]. M.: Vysshaja shkola, 1983. 127 p. (In Russian).
21. Nikolaeva T.M. Ot zvuka k tekstu: Chelovek i jazyk. Jazyk: razgadki i zagadki. Jazyk i tekst [From sound to text: Person and language. Language: solutions and riddles. Language and text]. M.: Jazyki russkoj kul'tury [Languages of the Russian culture], 2000. 679 p. (In Russian).

22. Paul H. Principy istorii jazyka / Per. s nem. / red. A.A. Holodovicha [The principles of history of the language / Translated from German / Edited by A.A. Holodovich]. M.: Izd-vo inostr. lit., [Publishing house inostr. lit.], 1960. 500 p. (In Russian).
23. Polivanov E.D. Gde lezhat prichiny jazykovej jevoljucii [Where the reasons of language evolution lie] // Polivanov E.D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju. Izbrannye raboty [Polivanov E.D. Articles on general linguistics. Chosen works]. M.: Nauka, 1968. – 376 p. (In Russian).
24. Serebrenikov B.A. O materialisticheskom podhode k javlenijam jazyka [On materialistic approach to the language phenomena]. M.: Nauka, 1985. 319 p. (In Russian).
25. Spenser H. Filosofija sloga [Syllable philosophy] // Sobranie sochinenij v 7-mi tomah. Nauchnye, politicheskie i filosofskie opyty. T. 1. / pod red./perevod s angl. N. Tiblena [Collected works in 7 volumes. Scientific, political and philosophical experiences. T. 1. / Edited and translated from English by N. Tiblen]. SPb.: Tipografija N. Tiblena i K [N. Tiblen and K printing house]. 1866. P. 60-92. (In Russian).
26. Cejtin S.N. Jazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Language and child: Linguistics of the children's speech: Manual for students of institutions of higher education]. M.: Gumanit. izd. Centr VLADOS, 2000. 240 p. (In Russian).
27. Shapkin A.P. Ob asimmetrii kak produkte transformacii soedinenija v anglijskom jazyke [On asymmetry as a product of transformation of connection in English] // Voprosy germanskoj filologii [Questions of the German philology]. Irkutsk, 1968. P. 109-118. (In Russian).
28. Shvedova N.J. Aktivnye processy v sovremennom russkom sintaksise [Active processes in modern Russian syntax]. M.: Prosveshhenie, 1966. 156 p. (In Russian).
29. Shljahova M.M. Koncept «obraz dejstvija» i sredstva ego jazykovej reprezentacii v sovremennom anglijskom jazyke [Concept "an image of action" and means of its language representation in modern English]: diss. ... kand. filol. nauk [Dissertation. ... candidate of philological sciences]. Barnaul. 2003. (In Russian).
30. Shtejnbuh K. Avtomat i chelovek [Automatic machine and person]. M.: Sovetskoe radio, 1967. P. 49-50. (In Russian).
31. Jakobson R. Rabota po pojetike [Work on poetics]. M.: Progress, 1987. (In Russian).
32. Banks L.R. The Backward Shadow. London: Penguin Books, 1978. 252 p.
33. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. Kiev: Dnepro Publishers, 1973. 180 p.
34. Galsworthy J. In Chancery. M.: Foreign Languages Publishing House, 1949. 240 p.
35. Galsworthy J. Over the River. The End of the Chapter. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. 304 p.
36. Galperin I. R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1977. 336 p.
37. Howatch S. Question of Integrity. London: Warner Books. 2001. 680 p.
38. Irving J. In One Person. London: Black Swan, 2013. 622 p.
39. Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. New York, 1951. 302 p.
40. Keyes M. The Brightest Star in the Sky. London-New York-Toronto- Dublin-Camberwell-New Delhi- Rosedale- Johannesburg: Penguin Books, 2011. 614 p.
41. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago – London: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
42. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 256 p.
43. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 356 p.
44. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar // Cognitive Linguistics Research. Vol. 1. Berlin – New-York, 1991. 395 p.
45. Langacker R. W. Reference-point constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4. № 1. P. 1-38.
46. Kinsella S. Mini Shopaholic. London-Toronto-Sydney-Auckland-Johannesburg, 2010.
47. Mansfield K. A Cup of Tea // Modern English Short Stories. M., 1960. P. 126-130.
48. Shaw I. Bread Upon Waters. Sevenoaks, Kent: New English Library, 1982. 477 p.
49. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. Moscow: Progress Publishers, 1978. 482 p.
50. Updike J. The Witches of Eastwick. New York: Fawcett Crest, 1985. 343 p.

Received 28.02.2018

Osokina N.Yu., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: osnat@inbox.ru

Dekterev S.B., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: aries03@mail.ru

Saint-Petersburg State University, Faculty of Foreign Languages

Universitetskaya Embankment, 7/9, St. Petersburg, Russia, 199034